

Д. Г. Демидов

Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань.

Demidoffs@rambler.ru

А. М. Камчатнов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия. alexmk52@gmail.com

ПРИЧАСТОДЕТИЕ И ЕГО РОЛЬ В РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В статье обосновано предположение о существовании в древнерусском литературном языке особого отглагольного образования с суффиксом *-тельно*, названного в «Грамматике» М. Смотрицкого причастодетием, которое имело значение, аналогичное латинскому герундиву; причастодетия стали базой для образования прилагательных на *-тельный*.

Ключевые слова: история русского языка, лексикография, словообразование, словообразовательное отношение, семантика, суффикс, синхрония, диахрония

В работах по словообразованию, написанных с позиций синхронии, образование прилагательных типа *привлекательный* и наречий типа *привлекательно* описано следующим образом.

В академической «Русской грамматике» 1980 г. утверждается, что в русском языке есть две словообразовательные единицы, которые мы для удобства обозначим индексами: *-тельн-₁/-ительн-₁* и *-тельн-₂/-ительн-₂*. Единицы с индексом 1 считаются алломорфами суффикса *-н₁-*, который обозначает «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом: *хлебный, водный, лесной, морковный, тепличный, инженерный, ведомственный*» [Русская грамматика, § 617]. Из них алломорф *-тельн-₁* — «в образованиях, мотивированных словами на *-ние*: *образовательный* (мотивирующее — образование), *состоятельный, назидательный*»; алломорф *-ительн-₁* — «в образованиях, мотивированных словами на *-ение*: *зрительный* (мотивирующее — зрение), *умозрительный, впечатлительный, правоучительный*, а также в *вопрос — вопросительный, польза — пользительный* (прост. устар.)» [Русская грамматика, § 619]. В примечании сказано, что прилагательные данного типа с морфами *-тельн-₁* и *-ительн-₁* «либо не имеют в современном языке однокоренных глаголов, либо по структурным или семантическим причинам не могут рассматриваться как мотивированные ими». Прилагательные с суффиксом *-тельн-₂/-ительн-₂* мотивированы глаголами (см.: [Русская грамматика, § 652]). При этом «финали» мотивирующих существительных *-ни₁-* и *-ени₁-* в мотивированных прилагательных «отсутствуют» без всякого объяснения причин этого «отсутствия» (см.: [Русская грамматика, § 653]).

О суффиксе *-тельн-₂* сказано, что он образует мотивированные глаголами прилагательные с таким значением, как ‘характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’, — с частными разновидностями ‘производящий действие’, обычно с оттенком ‘способный его произвести’: *удовлетворить — удовлетворительный, утешить — утешительный, освежить — освежительный, оправдать — оправдательный, привлечь — привлекаемый*; ‘являющийся объектом действия’, обычно с оттенком ‘способный им стать’: *желать — желательный, доказать — доказательный, осязать — осязательный*; в некоторых контекстах обнаруживается значение ‘представляющий собой действие или состояние, названное мотивирующим глаголом’: *окислительные процессы, глотательные движения, затруднительное положение*. Алломорф этого суффикса *-ительн-₂* выступает после

согласных, во-первых, в прилагательных, мотивированных глаголами с финалью инфинитивной основы *-e-*, которая отсекается: *повелеть* — *повелительный*, во-вторых, в прилагательных с основой на согласную: *спасти* — *спасительный*, *пренебречь* — *пренебрежительный*, в-третьих, в прилагательных, мотивированных глаголами с отсекаемой финалью инфинитивной основы *-а-* и *-ова-*: *общаться* — *общительный*, *увольнять* — *увольнительный*, *уравнять* — *уравнительный*; *действовать* — *действительный*, *чувствовать* — *чувствительный*. (См.: [Русская грамматика, § 652].)

Обращает на себя внимание, что большинство производящих глаголов в модели на *-тельн-₂* / *-ительн-₂* переходные. Глаголы непереходные появляются только там, где Keywords: Grand Duchy of Lithuania, political communication, ruthenian letters, Grand Prince of Moscow, crown нарушается обычная морфонологическая закономерность, то есть реальные производящие глаголы не сохранились, либо производство шло по аналогии, либо это кальки¹. В новейшем Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка его авторы, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов (то есть те же авторы, которые создавали академическую «Русскую грамматику» 1980 г.), отказались от различения двух единиц *-тельн-₁* / *-ительн-₁* и *-тельн-₂* / *-ительн-₂* и оперируют одним суффиксом в виде двух алломорфов *-тельн- / -ительн-*. Этот суффикс образует, во-первых, прилагательные, мотивированные глаголами, с более детальным в сравнении с «Русской грамматикой» 1980 г. набором частных словообразовательных значений (их теперь шесть) и, во-вторых, прилагательные, мотивированные существительными или словосочетаниями.

Примеры первых: *наблюдать* — *наблюдательный*, *удовлетворить* — *удовлетворительный*, *желать* — *желательный*, *строить* — *строительный*, *мыслить* — *мыслительный*, *просить* — *просительный*; примеры вторых: *образование* — *образовательный*², *сшибать с ног* — *сногсшибательный*³.

Что касается наречий типа *привлекательно*, то считается, что они образованы от соответствующих прилагательных при помощи суффикса *-о*.

А. Н. Тихонов, автор Словообразовательного словаря русского языка⁴, интересующие нас словообразовательные связи видит иначе: прилагательные типа *привлекательный* почти во всех случаях мотивированы глаголами, то есть в русском языке существуют не только словообразовательные цепочки типа *привлекать* → *привлекательный* → *привлекательно*, *наблюдать* → *наблюдательный* → *наблюдательно*, но и *образовать* → *образовательный* (Т. 1. С. 691), *основать* → *основательный* → *основательно* (Т. 1. С. 711), *дышать* (на самом

¹ Эти решения надо критиковать особо как антиисторические. Глаголы 4-го класса с суффиксом *-e-* < *ѣ* и глаголы 1-го класса эту закономерность не нарушают, поскольку в случае 4-го класса производящей является основа настоящего времени типа *повели-*. В случае 1-го класса надо признавать свершившийся акт переразложения, когда суффикс *-и-* присоединяется к *-тельн-*. Странно, что авторы академической «Русской грамматики» 1980 г. подводят в качестве производящих не имена *действ-о* и *чувств-о*, которые не вызывают вопросов о мнимом «усечении» основы, а глаголы. Эти имена также снимают морфонологические трудности. Остаются только глаголы *общаться*, *увольнять*, *уравнять*. Но и здесь можно рассуждать о производящих прилагательных *общий*, *вольный*, *равный*. Общий вопрос не вызывает. Что касается прилагательных *вольный* и *равный*, то тут действует еще промежуточная ступень глагола совершенного вида на *-ить*: *вольный* > *увольнить* > *увольнять* и *равный* > *уравнить* > *уравнять*. И *увольнить*, и *уравнить* суть вполне живые глаголы: согласно Национальному корпусу русского языка (НКРЯ [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru), есть по несколько примеров употребления. (Об истории этой словообразовательной модели см. нашу статью: [Демидов, Камчатнов].)

² Подведение производного имени образование не просто излишне — оно ошибочно, ибо вносит сумятицу в ясные истинные цепочки, на которые раздваивается глагол *образовать*: *образовать* > *образован* > *образование* и *образовать* > *образовательный*. Значит, производные *образование* и *образовательный* друг с другом непосредственными словообразовательными связями не связаны. Они вступают лишь в отношение вторичной мотивации.

³ Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016. С. 653–657.

⁴ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Изд. 3-е. М., 2003. Ссылки на словарь даются в тексте в скобках.

деле дышать, ср. *отдыхать*) → *дыхательный* (Т. 1. С. 332), *зреть* (от основы настоящего времени *зри-*) → *зрительный* (Т. 1. С. 384), *впечатляющий* (точнее, от *впечатлить*) → *впечатлительный* (Т. 1. С. 202), *упоить* → *упоительный* → *упоительно* (Т. 2. С. 291), *почтить* (аналогично) → *почтительный* → *почтительно* (Т. 2. С. 381), *растить* → *растительный* (Т. 2. С. 21); при этом прилагательные типа *назидательный*, *состоятельный*, *обаятельный*, *внимательный* и др. вообще являются первообразными, не связанными словообразовательными отношениями ни с глаголами *назидать*, *состоять*, *обаять*, *внимать*, ни с существительными *назидание*, *состояние*, *обаяние*, *внимание*. Лишь прилагательные *вопросительный* и *пользительный* мотивированы, как и у В. В. Лопатина с И. С. Улухановым, существительными *вопрос* и *польза*.

Расхождение между специалистами по синхронному словообразованию в описании словообразовательных отношений с очевидностью приводит к выводу, что это не описание объективных языковых отношений, а описание того, как эти отношения субъективным образом отражаются в сознании разных ученых. Этот вывод ставит нас перед необходимостью ответить на вопрос о том, как же на самом деле были образованы прилагательные типа *привлекательный*.

Ответ на этот вопрос можно начать с обсуждения одного интересного для нашей темы факта: в Словаре А. Н. Тихонова нет слова *следовательно*. Причина этого отсутствия ясна: это слово не вписывается в словообразовательную модель *следовать* → **следовательный* → *следовательно*, не вписывается по той простой причине, что прилагательного **следовательный* нет в русском языке. Оно не отмечено ни в Словаре русского языка XI–XVII в.⁵, ни в Словаре Академии российской⁶, ни в Словаре церковно-славянского и русского языка⁷. Согласно данным НКРЯ, прилагательное *следовательный* было употреблено в письменных источниках всего один раз: «Егда оные члены в тое канцелярию определятся, то всеприлежно велеть им рассмотреть синодалные вотчины и с них доходы и прочие к тому **следовательные** окрестности...» [Я. П. Шаховской. Воспоминания (1766–1777)]. В этом контексте прилагательное *следовательный* употреблено в значении ‘относящийся’, и совсем не случайно, как увидим ниже, оно истолковано при помощи синонимичного причастия, а не прилагательного *относительный*.

Грамматические характеристики слова *следовательно* различаются в разных словарях:

«**Слѣдовательно**. нар. И такъ, по сему, заключительно. *Солнце взошло, слѣдовательно насталъ день. Онъ вашъ начальникъ, слѣдовательно вы обязаны оказывать ему почтенне и послушанне*» (САР. Т. 5. С. 577); очевидно, что иллюстративный материал совсем не подтверждает характеристики слова как наречия в современном понимании этого термина;

«**Слѣдовательно**, нар. И такъ, посему, изъ сего слѣдуетъ. *Солнце взошло: слѣдовательно насталъ день*» (СЦРЯ. Т. 4. С. 153);

«**СЛѢДОВАТЕЛЬНО**, союз. Вследствие этого, в силу этого, поэтому (книжн.). ... *Не герои делают историю, а история делает героев, следовательно, — не герои создают народ, а народ создает героев и двигает вперед историю.* История ВКП(б). || И так, отсюда следует, значит (в начале реплики; разг.). *Следовательно я прав?*»⁸;

«**СЛѢДОВАТЕЛЬНО**, вводн. сл. и союз. 1. вводн. сл. Таким образом, стало быть. — *Позвольте, будьте столь добры, узнать: здесь, следовательно, свадьба?* Гл. Успенский.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее — СЛРЯ XI–XVII вв.). Вып. 1–30. М., 1975–2015. Ссылки на словарь даются в тексте в скобках.

⁶ Словарь Академии российской (далее — САР). Т. 1–6. СПб., 1789–1794. Ссылки на словарь даются в тексте в скобках.

⁷ Словарь церковно-славянского и русского языка (далее — СЦРЯ). Т. 1–4. СПб., 1847. Ссылки на словарь даются в тексте в скобках.

⁸ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4. С. 258.

Из чиновничьего быта. <...> 2. *присоединительный союз*. Присоединяет предложения со значением следствия, означая: поэтому, вследствие этого. [*Педагоги бурсы*] воспитаны тою философией, которая учит, что все люди смертны. *Кай* — человек, следовательно *Кай* смертен. Помяловский. Очерки бурсы»⁹.

Старая квалификация слова *следовательно* как наречия от глагола *следовать* указывает на его генетическую связь с этим глаголом, но употребление не соответствует этой характеристике, толкуемой с точки зрения нынешнего узкого понимания наречия как части речи, а новая квалификация как вводного слова и союза указывает на его синтаксическую функцию, на роль в предложении, но при этом игнорирует генетические связи, происхождение слова. С точки зрения словообразования важно то, что уже одно это слово способно поставить под сомнение фактическую действительность не только схемы существительное → прилагательное, прилагательное → прилагательное, но и схемы глагол → прилагательное → наречие.

Новый свет на образование прилагательных типа *привлекательный* проливает рассмотрение взаимоотношений слов *касательно* и *касательный*. Согласно данным СРЯ XI—XVII в., эти слова не употреблялись в памятниках древнерусской письменности; время их появления, по данным НКРЯ, — последняя треть XVIII в.

В САР слова *касательно* и *касательный* квалифицируются как наречие и прилагательное:

«**Касательный**, ная, ное. прил. Принадлежащий, относительный.

Касательно, нар. Относительно. *Записки, касательно Роспийской Истории*» (САР. Т. 3. С. 457).

Всего в НКРЯ зафиксировано 33 случая употребления слов *касательно* и *касательный* в текстах XVIII в.; из них — 6 употреблений слова *касательный*, и 27 употреблений слова *касательно*. Нетрудно заметить, что во всех 6 случаях слово *касательный* употреблено в значении причастия 'касающийся', например: «Другая свобода есть моральная, или **касательная** нравов, которая состоит в независимости от власти страстей и пороков» [архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Первоверховных апостол Петра и Павла (1769)]. И здесь, и в таких примерах, как *иждивени, касательномъ до пищи; предосторожности, касательная добывшей заразительной болъзни; касательных до оных дел бумаг; в делах, касательных до блага государства; ни одного дела, касательного до пользы и благосостояния империи*, слово *касательный* = *касающийся*. Лишь в 1835 г. Н. И. Лобачевский употребил прилагательное *касательная* как термин геометрии: «Прямая линия, встречаясь с кругом, или пересекает круг в двух только точках, или бывает **касательной** к кругу в одной точке, когда перпендикулярна к поперечнику» [Н. И. Лобачевский. Новые начала Геометрии с полной теорией параллельных (1835–1838)]. Это употребление было зафиксировано в СДРЯ: «**КАСАТЕЛЬНЫЙ**, ая, ое, пр. Прикасающийся къ чему либо. *Касательная линия*» (СДРЯ. Т. 2. С. 165). В. И. Даль различает специальное употребление прилагательных *касательная* и *касательный*: «Точка касанья, геом. точка, въ которой прямая черта, **касательная** ж., дотыкается до кривой, не пересѣкая ея, проходя даље. **Касательный**, касающийся чего-либо, дотыкающийся. **Касательно** нар. относительно, о, объ. *Касательно этого дъла, о семь дѣлъ*»¹⁰.

Слово *касательно*, начиная с XVIII в. и до современности, употребляется в качестве управляющего родительным падежом предлога, иногда вместе с предлогом *до*: «**Касательно** до окуриваня, то оно производит надъ всѣми проѣжжающими безъ изъятія...» [Наставленіе... (1772)]; «Пиэса, дамы и господа, представляет собою изображение излюбленных екатерининских проектов и намерений, **касательно**, — тут француз предостерегающе поднял вверх палец, —

⁹ Словарь русского языка / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Изд. 3-е. М., 1988. Т. 4. С. 133.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. М., 1994. Т. 2. С. 236.

касательно покорения Турции» [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010].

В старых словарях вроде САР слово *касательно* квалифицируется как наречие, что само по себе, с точки зрения современного узкого понимания наречия как части речи, неверно, но указывает на какую-то его генетическую связь с глаголом. В более новых словарях это слово трактуется по своей синтаксической функции как предлог, например: «**КАСАТЕЛЬНО**, предлог с род. п. (канц. устар.). Относительно кого-чего-н. *Касательно нашего дела я от него не слыхал еще ни слова*»¹¹. Тот или иной путь дальнейшего морфолого-синтаксического развития слова не снимает вопроса о первичном морфологическом способе словообразования и об уточнении самого хода морфолого-синтаксических переносов (прилагательное → неизменяемая полнознаменательная форма (категория состояния и наречие) → предлог либо неизменяемая полнознаменательная форма → прилагательное и неизменяемая полнознаменательная форма → предлог).

Какие же предварительные выводы можно сделать из рассмотренных фактов?

1) Отсутствие слова **следовательный* позволяет предположить, что слова на *-тельно* были первичными, а на *-тельный* — вторичными.

2) Употребление слова *касательный* в значении 'касающийся' позволяет квалифицировать его как некое «подобнопричастие», то есть уподобленное причастию прилагательное.

3) Хорошо известный из истории языка факт того, что полные (местоименные, членные) прилагательные образовались из кратких (именных, нечленных), также позволяет предположить, что слова на *-тельно* были первичными, а на *-тельный* — вторичными.

Своеобразие прилагательных с суффиксом *-тельн-* проницательно подметил В. М. Марков в статье, посвященной истории суффикса *-тель*¹². Он писал: «*Весьма ограниченная возможность образования прилагательных с суффиксом -ьн- при существительных со значением лица, заставляет предполагать первоначальную их связь с именами иного значения. В наличии этого значения убеждает нас и семантика прилагательных типа сомнительный, удивительный, желательный и подобных, связанных с представлением о действии и не допускающих ссылки на лицо. К этой же категории относятся и образования типа смертельный, для которых связь с лицом оказывается невозможной. Все это является свидетельством того, что прилагательные на -тельный (в своем большинстве) восходят к именам со значением действия*» [Марков, с. 99]. Однако, что это за имена, исследователь не указал. Можно предложить *добродетель* и, в целом, общее потебнианское положение синкретичности имен деятеля и имен действия¹³.

Вообще, именами со значением действия являются, по определению, причастия и слова, по своему значению действия подобные причастиям, которые мы выше условно назвали «подобнопричастиями». Описание таких «подобнопричастий» на *-тельно* обнаруживается не в русской, а в церковнославянской грамматической традиции, а именно в «Грамматике» М. Смотрицкого, в которой они названы термином «причастодетие». Грамматические формы на *-тельно*, *-тельный*, согласно М. Смотрицкому, — это, как и причастия с деепричастиями, формы глагола, обозначающие необходимость будущего действия или способность к будущему действию: «Причастодѣтпе Глѣ прича́стный нарицае́тъсѧ ну́жду дѣ́йства знамену́ющпѣ: Многа́жды и прилагáтельныхъ имѣнь силу́ прига́жущпѣ: естество́ннѣ же во сре́днѧ рѣда имени́телномѣ

¹¹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 1329.

¹² Суффикс *-тель* рассматривается им как сложение двух именных суффиксов, а именно: суффикса **t'* и суффикса **el'/*ël'*, каждый из которых имел первичное значение 'действие' и вторичное 'деятель'; после опрошения суффикс *-тель* также имел эти два значения (ср. добродетель 'доброе деяние' и 'благодетель'); значение отвлеченного действия имена с этим суффиксом утратили вследствие конкуренции с именами с суффиксом *-ние* (см.: [Марков, с. 91–102]).

¹³ Это противоречит уверенным выводам Г. Кайперта о производящих *nomina agentis* [Keipert, s. 18, 30, 133, 135 и далее]. Оговорка «...тип на *-тельнѣ* семантически напрямую связан с номина *акционис...* (здесь и далее перевод с немецкого наш. — Д. Д., А. К.)» [Keipert, s. 129] для *землемѣрительныхъ* никак не согласуется с приведенным выше утверждением. По Г. Кайперту (со ссылкой на А. В. Исаченко) следует, что ассоциация с *nomina actionis* вторична.

устьчѣномъ на о, кончаѣмса употреблѣмый» [Грамматики, с. 302]. Причастодетия образуются от основ инфинитива: «читати / читателно: творити / творително» [Грамматики, с. 370]. Причастодетия склонялись по всем трем родам наподобие причастий, однако любопытно, что в качестве начальной формы выбирается не *читателенъ или *читателный, а форма на -о, что сближает их с наречиями. Разбирая употребление причастодетий, М. Смотрицкий в правилах 1 и 2 указывает [Грамматики, с. 433], что иногда они «самостоятелнѣ полагаются: яко творително: глѣтелно: носѣтелно: упователно», иногда же такие слова «глѣ *ѣсть* приѣмлютъ: яко читателно *ѣсть*, писателно *ѣсть* и проч.». Причастодетия часто управляют теми же падежами, что и глаголы, формой которых они являются «яко Нѹждѣ нѣсть противостоѣтелно: поборѣтелно мѣ *ѣсть* по истиннѣ: и проч.». Как видим, в этих двух правилах нет упоминания о склонении причастодетий, приводятся лишь безличные конструкции. И только в правиле 3 говорится о согласовании причастодетий с определяемыми именами существительными: «Любителенъ мѣ *ѣсть* Сынъ твой: и, Истинное мудрованіе про разумѣніе *ѣсть* творителныхъ и не творителныхъ вѣщій: и проч.». Только в последнем правиле появляются формы, которые мы теперь считаем изменяемыми именами прилагательными, но, заметим, начиная с именной формы, не считающейся в современной грамматике начальной. Сам же М. Смотрицкий неизменяемое употребление форм на -*тельно* и изменяемое не разбивал на разные слова, а в качестве начальной приводил неизменяемые формы на -*тельно*.

Г. Кайперт не дает ответа на вопрос об источнике такого славянского причастодетия: «Из-за редкости сближений греч. -τέος и слав. -*тельно* неясно, извлек ли Мелетий Смотрицкий свое правило о причастодетии из употреблений таких форм в текстах или они возникли из образцов его знаменитой Грамматики. Я должен оставить вопрос открытым, т. к. я нашел лишь один пример в старших переводных текстах, который полностью соответствует описанию употребления, а именно, в “Великом Катихизисе” Феодора Студита: *скептѣон нѣн каѣ просектѣон соблюдателно* (исправлено из *соблюдаетлно*) *нынѣ прилежно* (Феод. Студ. 779.1). Все прочие примеры, если они не из переводов, восходят к традиции, зависимой от Смотрицкого (1619)» [Keipert, с. 168–169].

В современном русском языке есть слова на -*тельно*, не имеющие склонения в форме прилагательного. Это слова *следовательно*, *включительно*. Некоторые из несклоняемых слов на -*тельно* семантически не сводятся к прилагательным на -*тельный*, ср. вводное слово *действительно* и *действительный*, предлог *касательно* и *касательный*. Вполне вероятно, что и исторически они образованы не от прилагательных: это неизменяемые причастодетия. Причастодетия, в свою очередь, дали производящие основы для прилагательных, и то не во всех случаях: ср. *желательно* — *желательный*, но *следовательно* — *следовательный.

Эту гипотезу теперь следует проверить на историческом лексическом материале.

В «Материалах» И. И. Срезневского¹⁴ и в СЛРЯ XI–XVII в. имеется ряд словарных статей, заглавным словом в которых выступают прилагательные на -*тельный*. Анализ заключенного в этих статьях текстового материала показывает, что по крайней мере в части из них имеет место употребление причастодетий, которые и должны быть заголовочными словами. Убедительными примерами такого предпочтения заголовочных слов мы считаем следующие.

«**ВОЛИТЕЛЬНЫЙ** — проаиретикос, произвольный: — Не естъствно. бо нѣ волително. Панд. Ант. XI в.» (Срезневский. Т. 1. Стб. 289). Толкование слова *волительный* как ‘произвольный’ не совсем верно, потому что греч. проаиретикос — это отглагольное прилагательное от глагола проаирѣо ‘вынимать’ > ‘выбирать’, который чаще употреблялся в медиопассиве. Из этого следует, что проаиретикос значит ‘способный выбирать’; судя по контексту, речь

¹⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912. Ссылки на словарь даются в тексте в скобках.

идет о противопоставлении чего-то естественного, совершающегося по необходимости, чему-то свободному, совершающемуся по свободной воле, что и было передано по-славянски причастодетием *волительно*.

«**ТВОРИТЕЛЬНЫЙ** — творящій: — Сего ради плачь соугоубъ яко же грѣхоугоубительно и съмѣрению творительно. *Io. Льств. XII в. (В)*» (Срезневский. Т. 3. Стб. 934). Толкование при помощи причастия, а также несогласованность подлежащего *плачь* и сказуемых *губительно* и *творительно* указывают на то, что это не причастия и не прилагательные, а особые, возможно, даже неизменяемые, по мнению древнего переводчика, отглагольные образования, названные М. Смотрицким причастодетиями.

«**ОТЪБЪГАТЕЛЬНЫЙ** — цѣлительный, избавляющій: Всякого дьявола дѣства ѡбѣгательно въ примѣнение всакиъ золь. *Служ. Серг. л. 123*» (Срезневский. Т. 2. Стб. 773). Всякое действие дьявола обладает способностью быть целительным для избавления от всяческих зол, что и выражено причастодетием *отъбѣгательно*, но таковым оно является, очевидно, лишь при правильном устройении духа; было бы странным, если бы всякое действие дьявола было целительным во всяком случае, автоматически — тогда бы от христианина не требовалось бы никакой борьбы с дьявольскими искушениями. Этот оттенок значения, отличающий причастодетие от прилагательного, невыразим средствами современного русского языка. Важно также отметить, что это не переводной, а оригинальный текст.

«**ОСЛАБИТЕЛЬНЫЙ** — распущенный, испорченный: Ослабительно сыи (φθαρτὸν ὄν). *Жит. Θεοδουλ. Мин. чет. апр. 77*» (Срезневский. Т. 2. С. 723). Толкование ‘распущенный, испорченный’ представляется не вполне верным, так как прилагательное φθαρτός, образованное от глагола φθείρω ‘уничтожать, истреблять, губить’, означает не столько ‘испорченный’, сколько ‘подверженный порче или разрушению, обреченный на гибель’; сочетание *ослабительно сыи* означает или ‘будучи подверженным порче’, или ‘будучи обреченным на гибель’, что и выражено причастодетием *ослабительно*, вероятно, не очень удачно.

«**РАСТИТЕЛЬНЫЙ**, *прил.* Способствующий росту, умножению чего-л. <...> Оттретиягонадесять марта мѣца въсходить С на столпѣ овеннѣмъ, еже есть животно, дванадесятимъ планитомъ прѣвое, еже есть мокро и тепло, растително мокротѣ и крови. (Астрол.) П. отреч. II, 398. XVI в.» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 22. С. 91). И в этом случае толкование слова *растително* посредством причастия подтверждает его сходство с причастием, то есть подтверждает его статус причастодетия. Читателя не должно смущать, что глагол *растити* прямопереходный и как будто требует дополнения в форме винительного падежа, тогда как *мокротѣ* и *крови* — это формы дательного падежа, потому что в древнерусском языке употребление дательного падежа в роли прямого дополнения было совсем не редкостью.

«**СОГРѢВАТЕЛЬНЫЙ**, *прил.* Способствующий согреванию. Сила естества его [хмеля] и то есть разводително и согрѣвателно и отворително. Травник Любч. 373. XVII в. ~ 1534 г.» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 26. С. 80). Употребленное в данном контексте слово *согрѣвателно* истолковано совершенно правильно как ‘способствующий согреванию’, однако это толкование принадлежит не прилагательному *согревателный*, а причастодетию *согревателно*; то же относится и к причастодетиям *разводително* и *отворително*.

Старорусский подкорпус НКРЯ дает такие примеры неизменяемых причастодетий до появления «Грамматики» М. Смотрицкого: «Душа: Аще убо не навькнѹ от тебе, от кого научюся? От Писания слышах, еже впрашати убо лучше есть и еже свѣтовати многых *спасително* есть» [Из Диоптры Филиппа Пустычника. Разговор души и плоти (1300–1400)]; «...мнѣ смиренному едино токмо любезно бѣ и *тщательно*, еже душу свою спасти...» [Никоновская летопись (1425–1506 гг.) (1526–1530)]; «...и ты о томѣ намѣ извѣщаеш и бѣеш челомѣ *прятелно*,

чтобы...» [Царская грамота датскому королю Фредерику II... (1581)]; «...поколь было именей ко монастырю тому не взято и *нестяжательно* мниси пребывали» [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564–1583)]; «...яже во всехъ скверных догматах своих сносудно и *мечтательно* пишут и глаголють...» [Андрей Курбский. Предисловие к переводам житий Симеона Метафраста (1564–1583)].

Согласованные причастодетия также известны с первых памятников письменности.

«**ДАДИТЕЛЬНЫЙ**: — Неистовно и дадительно пьяньство, всь же примѣшайиса сихъ, не боудеть мждръ. *Панд. Ант. XI в. л. 17*» (Срезневский. Т. 1. Стб. 623). К сожалению, И. И. Срезневский не привел греческой параллели, но и без этого ясно, что пьянство способно довести человека до неистовства и еще какого-то неприятного последствия; в другом словаре приведена эта же цитата и слово *дадительный* истолковано со знаком (?) как 'расточительный' (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. С. 166), то есть по существу причастодетие истолковано при помощи причастодетия. Здесь можно усомниться в согласованности *дадительно* и *пьяньство* по среднему роду. Ср. **пьяньство есть дадительно, *пити есть дадительно*. Этот пример позволяет расценивать приспособление первоначально неизменяемого причастодетия к согласованию с именами, начиная со среднего рода, в котором это согласование происходит без видимых изменений.

«**СЪПАСИТЕЛЬНЫЙ** — невредимый: — Да будетъ твое боголюбие душевнѣ спасительно и тѣлеснѣ многолѣтно здраво. *Посл. митр. Ион. въ Новг. 1448–1458 г. 1*» (Срезневский. Т. 3. Стб. 787). Толкование слова *спасительный* как 'невредимый' не совсем верно, так как в тексте выражено пожелание или моление, чтобы некто, перифрастически названный «твое боголюбие», был способен к спасению души, был достоин спасения.

«**ПОБѢДИТЕЛЬНЫЙ**, прил. 1. *Победный, побеждающий, несущий победу*. Победительно оружие креста, дарованое намъ на нбси. (Явл. креста) Усп. сб., 169. XII–XIII вв.» (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. С. 120). Крест есть оружие, способное принести победу, что и выражено причастодетием в роли сказуемого.

«**НАГРѢВАТЕЛЬНЫЙ**, прил. 1. *Способный нагреваться и нагревать*. То сѣмя... естествомъ нагрѣвателно. Травник Любч. 161. XVII в. ~ 1534 г.» (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 10. С. 57). Толкование принадлежит не прилагательному *нагревательный*, а причастодетию *нагревательно*, которое и употреблено в тексте; следовательно, в словаре должна была быть особая словарная статья «Нагрѣвательно».

Как видим, согласованные формы причастодетия первоначально по преимуществу имеют тот же вид на -о благодаря определяемым словам среднего рода. В семантическом плане они полностью сохраняют лексико-семантические свойства неизменяемых форм на -тельно, например:

«**ВОДИТЕЛЬНЫЙ** — прилаг. отъ в о д и т е л ь : — Водительнѣ оумь (τὸν ἡγεμόνα νοῦν). *Панд. Ант. XI в.*» (Срезневский. Т. 1. Стб. 27). Нельзя согласиться с тем, что *водительный* — это дериват слова *водитель*, потому что это перевод греч. ἡγεμόνα — причастия глагола ἡγεῖσθαι 'идти впереди, указывать дорогу, руководить, владычествовать'. Перевод причастия словом *водительнѣ* означает, что славянское слово было неким «подобнопричастием», то есть причастодетием, которое в СЛРЯ XI–XVII в. истолковано совершенно по М. Смотрицкому: 'способный руководить, направлять' (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 2. С. 251).

«**ПРОЩАТЕЛЬНЫЙ** — легко прощающий: — Отнюдь не памятозлюбенъ и къ согрешающимъ прощателенъ (въ др. сп. прощатель). *Ник. л. 6745 г.*» (Срезневский. Т. 2. Стб. 1610). Толкование слова *прощателенъ* посредством причастия подтверждает его сходство с причастием, то есть подтверждает его статус причастодетия: некто **способен** к прощению

грехов грешников, но то, что он их прощает **легко**, остается на совести автора словаря.

«**ВЪНИМАТЕЛЬНЫЙ**: — подобаеѣтъ всегда бѣдѣливомѣ быти и вѣнимательномѣ и оуготованомѣ всѣмѣ. *Жит. Ѳед. Ст. 61.* — Мѣсто вѣнимательно. *Жит. Ѳед. Ст. 43*» (Срезневский. Т. 1. Стб. 389). Весь ряд *бѣдѣливъ, вѣнимательнѣ, уготованъ* выражает идею необходимости и способности к соответствующим действиям; *мѣсто вѣнимательно* — место, с которого можно удобно внимать, то есть слушать, следить за происходящим. Значит, слово *вѣнимательно* следует трактовать как причастодетие.

«**ОБЛАДАТЕЛЬНЫЙ** (объ+в...) — властный, требующій повиновения: — Различну достоитъ быти учителю и пастырю: ...и приступну, и обладателну, и... смѣренну, и непорабощенну. *Посл. митр. Ион. въ Новг. 1448–1458 г.*» (Срезневский. Т. 2. Стб. 514). Речь идет о способности быть властным, требовательным, что и выражено причастодетием *обладательнѣ*.

«**УЧИТЕЛЬНЫЙ** — <...> знающій, способный къ учительству: — подобаеѣтъ кѣпоу бес порока быти, трѣзвѣникоу, цѣломѣдрьноу... оучительну (διδακτικόν). *Панд. Ант. XI в. л. 274*» (Срезневский. Т. 3. Стб. 1339–1340). Греч. διδακτικός — отглагольное прилагательное от глагола διδάσκω ‘учить, наставлять’ — означает того, кто способен это делать, что и передано по-славянски причастодетием *учителельнѣ*.

Согласуемые именные формы могли расширяться местоимениями:

«**ГУБИТЕЛЬНЫЙ**: — Лихая ѣдѣ кѣсть гоубительна. *Сб. 1076 г.* Влѣкъ гоубительнѣи (λυμεών). *Панд. Ант. XI в. л. 68*» (Срезневский. Т. 1. Стб. 607). Отглагольное имя λυμεών = λυμαντήριος — от медиопассивного глагола λυμαίνομαι ‘портиться, портить’ — означает природную, органическую способность к действию, что и передано по-славянски причастодетием *губительно*: и плохая пища, и волк способны погубить, обладают этой способностью по природе.

Довольно быстро развиваются неотличимые по своему оформлению от прилагательных членные причастодетия:

«**ДѢТЕЛЬНЫЙ** — дѣятельный: — На дѣтельноу възидѣ славоу. *Мин. 1097 г. 77.* Дѣтельномѣ дѣбаниемѣ (διὰ практиκῆς ἐργασίας). *Панд. Ант. XI в.*» (Срезневский. Т. 1. Стб. 794). Если и в первой цитате слово *дѣтельный* является переводом греч. *πρακτικός*, то в обеих цитатах речь идет о внутренне присущей способности к активному, энергичному действию.

В таком же смысле это слово употребляется и в русских по происхождению текстах: «**ДѢТЕЛЬНЫЙ**, прил. 1. *Деятельный, энергичный.* О злый рабе и ленивый, непотребне, добрее бы створиль, дабы възвратиль сребро мое добрым пенязником, и поспешным и детьельнымѣ. *Феод. Печ., 181. XV–XVI вв. ~ XI в.*» (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. С. 236). Значит, и в этих случаях имеет место употребление причастодетия.

«**ЖАДАТЕЛЬНЫЙ (ЖЕДАТЕЛЬНЫЙ)**, прил. *Испытывающий сильное желание, жаждущий чего-л. (1558):* Желаниемѣ бо желаемѣ преподобный гласъ твой слышати; яко жадательный елень напитатися. *Львов. лет. II, 605*» (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 5. С. 69). Толкование при помощи причастий доказывает, что и *жадательный* не что иное, как «подобнопричастие», то есть причастодетие.

«**МУЧИТЕЛЬНЫЙ** — <...> В знач. сущ. **Мучительная**, мн. Орудия пыток, казни. И шли они до уреченнаго мѣста на посѣчение, гдѣ плаха лежитъ, и мучительная вся готова и палачъ готовитца на посѣчение ихъ. *Пустоз. сб. 17. XVII в.*» (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 9. С. 320). Производное от причастодетия существительное среднего рода множественного числа *мучительная* возможно истолковать точнее — как причастодетие: ‘все то, что способно быть орудием пыток и казни’.

«**ПОБѢДИТЕЛЬНЫЙ**, прил. <...> 4. В знач. сущ. **Побѣдительная**, мн. *Победа.*

Поддай же нам победительная на враги наша. Каз. ист., 140. XVI в.» (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. С. 120). Производное от причастодетия существительное среднего рода множественного числа *побѣдительная* как ‘победа’ не совсем точно, так как в молении испрашивается не победа, а то, что **способно** принести победу, — крепость, сила, мужество, терпение и проч.

«**Огорчительно**. нар. Досадно, оскорбительно. *Мнѣ ужé огорчительно слушать обидныя слова*» (САР. Т. 2. С. 249). Предикативное употребление слова *огорчительно* в приведенной иллюстрации показывает, что перед нами не наречие, *adverbium*, а особая форма глагола, обозначающая способность производить действие, названное производящей основой, то есть причастодетие. Существующее в грамматике понятие предикативного наречия является внутренне противоречивым, оно возникло от некоторого бессилия мысли, от стремления подвести непонятное явление под существующую грамматическую номенклатуру. Категория состояния также показывает лишь функцию, но не вскрывает природу этого явления.

В следующих примерах независимое употребление слова *огорчительно* с зависимыми словами в качестве главного члена односоставного предложения также свидетельствует, что оно является не «приглаголием», а «отглаголием».

«Этот раз уже не так было **огорчительно** оставить родных и дом, как прежде, когда оставался в пансионах, когда же поехали, то утомился скорой почтовой ездой» [М. П. Загряжский. Записки (1770–1811)].

«**Огорчительно** для меня, что вы не получали моих писем: с приезда я писал их, по крайней мере, двадцать; до вас дошли десятые проценты, — жаль; это отбивает охоту писать; это потеря не только для братского сердца, но для самой словесности» [А. А. Бестужев-Марлинский. Письма (1830–1837)].

«Потом усомнились, испугались, стали перепроверять, нашли грязь и опровергли собственную работу. Было, конечно, **огорчительно**» [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

«Но мне истинно **огорчительно**, что Вы так мало верите моему нравственному чутью, моей оценке и охотнее прислушиваетесь не к сердечному голосу, а к фальшивым головным звукам Смирновой, забывая даже, что мне все это может быть оскорбительно...» [И. С. Аксаков. Письма родным (1849–1856)].

Из этих наблюдений можно сделать вывод, что причастодетия — это отглагольные дериваты, которые подобны причастиям в том, что они обозначают качество, свойство, причастное тому действию, которое выражается глаголом, но, в отличие от собственно причастий, не имеет категории времени; что касается категории залога, то в этом отношении причастодетия ближе всего к греческому медиопассивному залогу, вследствие чего они часто употребляются в безличных конструкциях. Отсюда и их потенциально-пассивное значение. Вопрос о том, можно ли считать причастодетия грамматической формой глагола, не так прост, как кажется.

Против включения причастодетий в словоизменительную систему глагола писал еще А. В. Барсов:

«1. Въ славенскихъ грамматикахъ къ измѣненіямъ глагола причисляются также названныя такъ *причастодѣтія*, какъ излишнія сами по себѣ, такъ и не удобъ понятыя по изъясненію или опредѣленію ихъ: когда ихъ описываютъ глаголами причастными і нужду (то есть надобность или необходимость) будущаго дѣйства знаменующими, какъ: *писательно, читательно, сирѣчь надлежать писати или читати*.

2. Но въ самомъ дѣлѣ оныя не иное что какъ усѣченный средній родъ прилагательныхъ именъ отглагольныхъ то есть производимыхъ отъ глаголовъ и кончащихся на *тельный*, какъ: *чаятельный* ая, ое; *чаятеленъ*, на, но, изъ которыхъ правда толкуются нѣкоторыя чрезъ должно или можно, какъ: *чаятельный* и *чаятельно*, то есть *котораго* или *чего чаять* должно или можно: однако жъ небыло нужды вводить ихъ въ число измѣненій глагола: иначе

же и другія разныя окончанія прилагательныхъ отглагольныхъ, изъ коихъ каждое имѣетъ свое толкованіе, должно бы внести всѣ въ спряженіе.

3. Приняты жъ онія на вышеупомянутомъ основаніи принужденно и единственно по подражанію нѣкоторымъ греческимъ отглагольнымъ же прилагательнымъ и латинскому называемому такъ *gerundium in sum*» [Барсов, с. 644].

Соглашаясь с доводами маститого грамматиста, что причастодетия не являются грамматическими формами глагола, мы склонны считать их особой группой отглагольных дериватов, объединяемых специфическим значением 'способный к действию, выраженному производящим глаголом'.

Эта древняя модель развивалась в славянском литературном языке под влиянием греческого языка при переводах с последнего, что хорошо показано Г. Кайпертом, однако требуют дополнительных разысканий само происхождение опрощенного суффикса *-тельн-* и последовательность его внешнего морфологического оформления. Первичность неизменяемых форм на *-о* соответствует общей тенденции развития местоимений на *-ко* и *-мо* и имен прилагательных от неизменяемых типа *свободь* или *исполнь* к изменяемым¹⁵. В синтаксическом плане причастодетие чаще всего выполняло функции предикатива или обстоятельства образа действия, что и дало основание квалифицировать его в грамматиках и словарях как наречие. В некоторых, но немногих случаях причастодетие стало играть роль предлога (*касательно*), вводного слова (*следовательно*), выделительной частицы (*исключительно*), категории состояния.

Первоначально словообразовательная цепочка выглядела так:

глагол → причастодетие → прилагательное, например:

вѣнчать → *вѣнчательно* (неизменяемое причастодетие) → *вѣнчательнь* (изменяемое причастодетие) → *вѣнчательный* (членное изменяемое причастодетие) → *вѣнчательный* (прилагательное).

После того как сформировалась устойчивая вторичная связь между глаголами и прилагательными, последние стали образовываться непосредственно от глаголов, но уже с новым значением: не 'способный к действию', а 'предназначенный для действия' (*плавательный бассейн*, *плавательная трубка*). Дальнейший процесс отхода производных прилагательных на *-тельный* от производящих глаголов и утрата такими прилагательными процессуального значения в течение XIX в. подробно рассмотрены в книге: [Очерки, с. 401–413]. Первостепенное значение при этом имеет взаимодействие с родственными причастиями вроде *опредетельный* : *определенный* — характерная черта, унаследованная от причастодетия.

В современном русском языке насчитывается свыше 500 прилагательных на *-тельный*. Нами было проанализировано 427 первообразных¹⁶ прилагательных на *-тельный*: из них 228 прилагательных имеют соотносительные с ними формы с суффиксом *-тельно* (25 представляют собой гапаксы), 199 прилагательных — не имеют. Это значит, что большинство из этих 199 прилагательных было образовано непосредственно от глаголов, хотя некоторые из них, возможно, были образованы от утраченных современным русским языком причастодетий, что требует дополнительных разысканий¹⁷.

Сложнее вопрос об образовании прилагательных из числа 230. Часть из них несомненно

¹⁵ Современные выражения с категорией состояния вроде рассмотренных выше со словом огорчительно или Умилительно смотреть на играющих детей, Занимательно играть с детьми подтверждают историческую силу неизменяемых форм. Язык развивается кумулятивным способом, и чистые основы не исчезают бесследно, а приспособляются к известным периферийным функциям.

¹⁶ То есть за исключением композитов типа электропитательный, хлебозаготовительный, вторичных прилагательных типа невнимательный, бездоказательный и некоторых терминов, не соотносимых с глаголами, типа существительное.

¹⁷ Имеются в виду такие прилагательные, как живительный, зиждательный, ласкательный, мерцательный, ободрительный, оборонительный, обременительный, осязательный.

образована непосредственно от глаголов, а формы на *-тельно* — это их застывшие формы кратких прилагательных среднего рода единственного числа, функционирующие как наречия. Также несомненно и то, что часть из них образована от древних причастодетий, например, от тех, о которых говорилось выше (*внимательный, губительный, мучительный, победительный, растительный, согревательный, спасительный, творительный, учительный*). Это надо проверять в каждом отдельном лексическом случае.

На основании проведенного исследования мы приходим к следующим выводам.

1. Словообразовательная цепочка «глагол → причастодетие → прилагательное» является исторически реальной, так как в памятниках письменности, как переводных, так и оригинальных, достоверно зафиксировано употребление причастодетия.

2. Словообразовательная цепочка «глагол → *причастодетие → прилагательное» является исторически возможной, если в памятниках письменности не зафиксировано употребление неизменяемого причастодетия, но прилагательное имеет значение 'способный к действию'. Способность к согласованию стала развиваться благодаря необходимости в синтаксической деривации типа *убедительно ответить — убедительный ответ*. Культура переводов с греческого помогла закрепиться категории членного прилагательного как вообще в системе русского литературного языка на церковнославянской основе, так и в модели на *-тельный*.

3. Грамматическую идею причастодетия Мелетий Смотрицкий заимствовал, вероятно, из латинской грамматики, но языковой материал, служивший ему эмпирической опорой, не был не только целиком калькированным с греческого, но и имел собственное славяно-русское морфологическое своеобразие, подмеченное нашим первым грамматистом.

4. Словообразовательная цепочка «глагол → прилагательное» является исторически реальной, если в памятниках письменности достоверно не зафиксировано употребление неизменяемого причастодетия, но прилагательное все же имеет характерное для причастодетия значение 'предназначенный для действия'.

В заключение предложим еще одну гипотезу. Прекращение согласования по роду и числу книжной категории деепричастия происходило по аналогии с причастодетиями в форме наречий на *-тельно*, к которым примыкают такие же образования на *-тно* и *-льно*.

Если затронуть вопрос о том, является ли причастодетие отмершим отглагольным образованием, то окажется, что есть факты, говорящие о том, что о смерти причастодетия говорить преждевременно. Например, поэтесса, пишущая под псевдонимом *Ауринко*, написала шуточное стихотворение, которое так и назвала — «Причастодетие»:

«Причастодетие мое — оно искательно,
Уже читательно вполне, уже писательно.
Оно застенчиво порой, порой — наглетельно.
Качаю строго головой: причастодетие!..

В глазах его — сплошной восторг: так занимательно!
Я действовать должна всегда — преподавательно,
Не забывать: студенты все — большие дети ведь.
Но где-то я сама еще — причастодетие...

(Причастодетие — особый разряд глагольных форм, образованный Мелетием Смотрицким в соответствии с греческими отглагольными прилагательными и латинским герундивом:

читателно, писателно)»¹⁸.

Таким образом, причастодетие — это реальная историческая словообразовательная категория, до поры до времени она хранится в потенциальном фонде развития словообразовательной системы русского языка, но при необходимости снова может быть вызвана к жизни для обогащения его выразительных возможностей.

Литература

- Барсов А. А. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подг. текста и комментарии М. П. Тоболовой; Под ред. Б. А. Успенского. М., 1981. 776 с.
- Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьминова. М., 2000. 526 с.
- Демидов Д. Г., Камчатнов А. М. Происхождение двух моделей инфиксального глагольного словообразования в истории русского языка: глаголы на *-ать* (*-ять*) и *-ивать*, *-ывать* // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. № 2 (76). С. 115–124.
- Марков В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. 275 с.
- Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М., 1964. [Кн. 1]: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. 600 с.
- Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1. 783 с. Т. 2. 709 с.
- Keipert H. Die Adjektive auf *-teln* // *Studien zu einem kirchenslavischen Wortbildungstyp*. I. Teil. Wiesbaden, 1977. (Veröffentlichungen der Abt. für slav. Spr. u. Lit. des Osteuropa-Institut (Slav. sem.) an der FU Berlin. Bd. 45). 523 s.

References

- Barsov, A. A. Rossiiskaya grammatika Antona Alekseevicha Barsova [Russian Grammar by Anton Alekseevich Barsov]. Text preparation and comments by M. P. Tobolova; edited by B. A. Uspenskij. Moscow, 1981. 776 pp.
- Demidov, D. G., Kamchatnov, A. M. Proiskhozhdenie dvukh modelei infikal'nogo glagol'nogo slovoobrazovaniya v istorii russkogo yazyka: glagoly na *-at'* (*-yat'*) i *-ivat'*, *-yvat'* [The Origin of the Two Models of Infixal Verb Word Formation in the History of the Russian Language: Verbs in *-at'* (*-yat'*) and *-ivat'*, *-yvat'*]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 2 (76). Pp. 115–124.
- Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo [Grammars by Lavrentii Zizanii and Meleti Smotritsky]. Compiled by E. A. Kuz'minova. Moscow, 2000. 526 pp.
- Keipert, H. Die Adjektive auf *-teln*. Studien zu einem kirchenslavischen Wortbildungstyp. I. Teil. In *Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin*. Wiesbaden, 1977. Bd. 45. 523 s.
- Markov, V. M. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku [Selected Works on the Russian Language]. Kazan, 2001. 275 pp.
- Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka [Essays on the Historical Grammar of the Russian Literary Language in the 19th Century]. Moscow, 1964. [Book 1]: *Izmeneniya v slovoobrazovanii i formakh sushchestvitel'nogo i prilagatel'nogo v russkom literaturnom yazyke XIX veka* [Changes in the Word Formation and Forms of Nouns and Adjectives in the Russian Literary Language in the 19th Century]. 600 pp.
- Russkaya grammatika: V 2 t. [Russian Grammar: In 2 volumes]. Edited by N. Yu. Shvedova. Moscow, 1980. Vol. 1. 783 pp. Vol. 2. 709 pp.

---

¹⁸ Аурилко. Причастодетие. 2003 // Стихи.ру — российский литературный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2003/05/07-101> (дата обращения: 20.01.2020).

Dmitrii G. Demidov
National Chengchi University, Taipei, Taiwan
Alexander M. Kamchatnov
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

PRICHAStODETIE (GERUNDĪVUM) AND ITS ROLE
IN THE RUSSIAN HISTORICAL WORD FORMATION

The authors of the article substantiated the assumption of existence of a special verbal formation in the Old Russian literary language with the suffix -tel'no, named "prichastodetie" in M. Smotrisky's *The Grammar*, which had the meaning similar to the Latin gerundive. Prichastodetie became the basis for the formation of adjectives ending in -tel'nyi.

Keywords: history of Russian language, lexicography, word formation, derivational relation, semantics, suffix, synchrony, diachrony